

го синтаксиса для младшего возраста», составленный Дмитревским по плану «Практических заметок о русском синтаксисе». В 1883 г. в Москве была издана книга Н. И. Баталина «Русский синтаксис на основании исследований гг. Потебни, Миклошича и Гейзе» — первая серьезная попытка сближения школьной и научной грамматики; затем появляется «Руководство к изучению синтаксиса русского языка», составленные В. Г. Зимницким (Пенза, 1885), и ряд других учебных пособий, свидетельствующих о знакомстве их авторов с трудом Потебни¹³.

Между тем до настоящего времени остается неизвестным такой любопытный факт: авторы некоторых пособий обращались к автору «Из записок...» и, по-видимому, использовали его советы и помощь во время написания своих работ или же познакомились с его критическими замечаниями после их выхода в свет. К сожалению, разыскать письма Потебни к этим лицам нам еще не удалось, но письма Дмитревского (ед. хр. 71), Баталина (ед. хр. 39), Зимницкого (ед. хр. 77) хранятся в архиве ученого и представляют интерес.

Милостивый государь, Александр Афанасьевич!

Если я и не имел счастья быть Вашим слушателем, то, по крайней мере, могу с гордостью считать себя Вашим учеником: Ваши «Записки по русской грамматике» впервые открыли мне свет в темной доселе для меня области русского языка.

Поэтому позвольте мне надеяться, что Вы не откажетесь просмотреть прилагаемые при сем два листка. И если Вы согласитесь с моим мнением, то не будете ли добры помочь мне при написании исследования: 1) указать то, что для этого я должен прочитать; 2) ссудить мне из университетской и Вашей библиотеки указанные Вами сочинения (русские и иностранные) и 3) отметить места, относящиеся к моему исследованию, чтобы дойти скорее до цели.

Я более года назад посылал написанных мной несколько листов А. А. Хованскому, который сначала был в восхищении и намеревался печатать, но предварительно послал выдержку Бодуэну де Куртене, которой, по выражению письма, «зло отозвался о таком исследовании», почему Хованский и возвратил мне рукопись. Пришлось мне остановить продолжение сочинения, и я даже думал забросить совсем свою попытку. Но личное убеждение в моем мнении никогда не оставляло меня: «а все-таки вертится», — сказал Галилей.

В самом деле: если бы и ложно бы[ло] мое мнение, то чем же оно хуже ряда доселе высказанных мнений разных ученых, хотя бы и самого Бодуэна де Куртене (еа)? Если он держался, высказывая свой взгляд на мое толкование, убеждения, «может ли от назарета быть что доброе», то, мне кажется, и я не ошибусь, если скажу, что наука, утаив иное от премудрых и разумных, открывает то младенцам. И хоть зайца в басне свросили:

«Ба, ты, косой!.. Пожаловал отколе?»

Тебя никто на ловле не видал»,

а все-таки в конце концов дали ему клочок медвежьего ушка.

Выслуга 15 лет в провинции, мог ли я сделаться ученым, ничего не видя и не имея в руках, кроме Вашей книги и «Филологических записок» за время моего сотрудничества. В Короче не только иностранных, но и русских сочинений по филологии не имеется (например, Срезневского, Каткова, Павского — ничего подобного), и я их видом не видал, хоть и слышал. Попытки мои перейти на службу в университетский город безуспешны доселе, а прошение мое, поданное по совету Вашему (пример К.....) в Ваш факультет, не удостоено даже ответа. Прогимназия наша в

¹³ См.: П л о т н и к о в И. Методическая трилогия, ч. I. Психологическая школа в языковедении и методика русского языка, Курск, 1919; И в а н о в а А. Ф. Отражение лингвистических взглядов А. А. Потебни в школьных учебниках. — Русский язык в школе, 1958, № 2.